Своеобразная поэзия Николая Предеина неизменно привлекает к себе внимание читателя, даже искушённого в поэтических экзерсисах, столь нередких в наше время.

К этим стихам тянет возвращаться и возвращаться, ибо, лаконичные по форме, они объёмны, наполнены глубоким внутренним смыслом и вместе с тем сдержанной эмоциональностью, отмечены мудростью человека, много пережившего и передумавшего.

Однако эта поэзия прежде всего интеллектуальная: оригинальное, свойственное только этому автору выражение мысли требует раздумья, порой продолжительного.

а если о главном кратко, / скажу я вот так:
жизнь отвечает загадкой, / смерть задаёт ответы.

И при этом стихи всегда узнаваемы: в них ощущается особая предеинская интонация – интонация высокой чистоты и неподдельной искренности.

По-видимому, и глубина поэтических образов, и философские обобщения связаны у Предеина с его главным жизненным предназначением как скульптора и художника-графика. Эта художническая деятельность свершается, длится в уединённой тишине мастерской и сосредоточенности, так располагающих к нескончаемым внутренним монологам. В эти минуты, думается, и нисходит на нашего Поэта вдохновение, когда «мысли в голове волнуются в отваге и рифмы лёгкие навстречу им бегут». Хотя, справедливости ради, следует заметить, что рифмы его (а иногда их и вовсе нет!), отнюдь не всегда лёгкие и воздушные, но при этом, безусловно, насыщены живой жизнью и одухотворёнными образами.

Нередко даже кажется, что поэзия Предеина – это поток сознания: настолько разнообразны его темы, сменяющие одна другую, охватывающие весь окружающий мир. Естественно, они не равнозначны по своей сущности, но, без сомнения, расширяют горизонты стихового пространства до безмерности. (Если ещё

учесть, сколько замечательных миниатюр, к сожалению, осталось за пределами этого сборника[1]).

Так, рядом с уютной домашней зарисовкой, окрашенной, впрочем, словно помимо воли автора прорывающейся печалью («чай налью, чуть к руке прикоснусь»), соседствуют два ёмких философских двустишия о жизни вечной и земной:

между звездой и лопухами – / вратами тесными, слезами.
вратами узкими, слезой – меж лопухами и звездой.

Любой поэт чаще всего пишет о себе, поверяя читателю свои чувства, размышления, страдания, реже - радости. Однако только у истинного Поэта, умеющего облечь свои переживания в достойную поэтическую форму, они обретают общечеловеческий характер. Вот это именно мы и находим у Предеина.

не ловите даже взглядом / эту птицу
не ловите / птица эта /
вам свободной пригодится

ну а если птицу всё же / вы поймали я не знаю /
как вам жить теперь,

а я уже / не буду.

Нельзя не обратить внимания на это небольшое стихотворение, воспринимаемое читателем как программное, ибо слова его в иносказательной форме говорят о гибельности для художника неволи – отсутствия «тайной свободы», которую сам Предеин трепетно и одновременно настойчиво оберегает.

Вообще Николай Петрович часто удивляет своей парадоксальностью: с одной стороны, он мягок и доброжелателен, с другой – исключительно твёрд, даже по-российски «упёрт», в своих взглядах и убеждениях, касающихся творчества. С одной стороны, он бывает совершенно «закрытым» для собеседника; с другой – доверчиво, по-детски обнажает свою душу читателю, раскрывая её настолько, что по его стихам можно «прочитывать» его биографию.

я много места не займу, / ты положи меня в суму.
ты положи меня в суму – / нельзя мне это самому.

Некоторые его миниатюры пронзительны по чувству, как «звуки отдельны и колки». Поэт твёрдо знает, что искусство и лю-

[1] Николай Предеин. Источник слуха. Екатеринбург, “Уральский рабочий”, 2016.

бовь совершенно не терпят фальши, лжи и лицемерия. Он словно предупреждает нас об этом, сам непременно следуя провозглашенному правилу:

не возлюбив, / ничего не делай своими руками.

В его стихах нередко слышится музыка, они напевны и преисполнены нежной любви ко всему живому – человеку и природе, ко всей Вселенной и её Создателю.

И конечно, тема нашей бедной родины постоянно присутствует в книге Предеина, являясь, можно утверждать, сквозной. Выросший на лоне нашей скромной и одновременно величественной природы, он, естественно, не может не говорить о ней с любовью, глубоко храня её в душе своей. Давно городской житель, он помнит свою малую родину; «дрожащие огни печальных деревень...» всегда при нём и в нём («умбра российских немотных пейзажей...», «вот нет уже деревни...», «я причислил бы к лику святых...» и многие другие).

Он видит «маленького» человека, обездоленного, смиренного, и жалеет его всем своим чутким сердцем, угадывающим непоказную человеческую боль (Ивашка, о деде-гегемоне, «видишь, старуха идёт по размытой осенней дорогу...») – и вдруг такое светлое и даже озорное стихотворение, заставляющее нас невольно улыбнуться: так оно полно доброжелательного юмора, шутки, самоиронии («у меня привычка есть...»).

Лирические стихотворения Николая Предеина необычайно целомудренны.

Воспоминание о первом узнавании женщины: радостное удивление, восхищение, быть может, некоторая растерянность - и такая трогательная концовка:

потом закончилось простое время Рая...

«Ты помнишь, Ева?» – «Помню мой Адам».

Вообще он мастер заключительной строки, своеобразной коды стихотворения, подчас неожиданной.

«ещё я здесь, но, видит Бог, уже не весь». («лесной поляны вдруг такое откровенье!»)

или

«но как иначе скрипку слушать?» («как скрипки лезвие кроит...»)

и т.д.

Подлинный художник непостижимыми нитями связан со всем мирозданием, и временами ему неизбежно открываются такие пропасти, кои не дано уловить простому смертному. Поэтому, понятно, ему самому не раз приходится видеть себя «у бездны мрачной на краю». В такие моменты особенно остро и безнадёжно понимает он своё одиночество и одновременно трагичность существования в мире. Потому, наверное, в творчестве Предеина тема одиночества и вечности - одна из главных.

спроси что будет / рыбы промолчат /
и промолчат деревья травы птицы

и только солнце / уходя в немой зенит /
живой воды нам посоветует напиться

а там земля / уже забудет наши лица /
и уведёт несложной вечности учиться

Поэзия Предеина насквозь метафорична. Непростые метафоры, запоминающиеся эпитеты, самобытная аллегория, часто используемая инверсия, анжамбеман[1] и прочие художественные тропы делают поэтическую речь напряжённой, передают разнообразные смысловые оттенки, особенно ненавязчиво вселенскую скорбь, владеющую его душой.

Однако искушённый читатель, погружаясь в поэтический мир Предеина, несомненно, угадывает её, сопереживая автору, и не может не восхищаться точно найденным словом Поэта, единственно необходимым в данном контексте. Неслучайно автор сказал о себе:

он был не звуков повитухой / и не волхвом своих даров.
он был всегда – источник слуха / и потому лишь – точных слов.

Читая стихи Предеина, не раз ловишь себя на мысли, что эти две темы – скорбь и точность поэтического слова – перекликаются с чеканной формулой А.А. Ахматовой:

Всего прочнее на земле печаль
И долговечней царственное слово.

---

[1] Анжамбема́н (фр. *enjambement*, опт *enjamber*, «перешагнуть») в стихосложении — несовпадение синтаксической паузы с ритмической (концом стиха, полустишия, строфы); употребление цезуры внутри тесно связанной по смыслу группы слов. (*Прим. ред.*)

Поэтические миниатюры нашего художника отличаются завидным совершенством, зрелостью, как и его изящно отчеканенные скульптуры, которые способны уместиться на ладони. Стихи его тоже можно назвать чеканными, ибо, используя минимум слов и художественных средств, автор несколькими, но многозначительными штрихами рисует запоминающуюся картину события или чувства, завершая её такой «ударной» концовкой, которая по своей силе напоминает заключительный музыкальный аккорд.

Поражаешься, как много дано одному человеку: неповторимый скульптор и график, неподражаемый поэт, – и радуешься тому, с какой ответственностью относится он к своим природным дарам. Его душа в постоянной работе, как завещал особо почитаемый им Н.А. Заболоцкий. Отказавшись от светской суеты, Н.П. Предеин полностью отдаётся своему творчеству. При его собранности и дисциплинированности он успевает интересно творить во всех трёх ипостасях. Воображение его фантастично, образы неистощимы, что и расширяет безмерно мир его поэзии.

Жизнь художника трудна во все времена, с этим невозможно не согласиться. И Предеин не исключение. Но с каким достоинством несёт он жизненные испытания – «эту тяжесть на смертных плечах»!

Талантливость поэзии Николая Предеина несомненна. Признанный скульптор и график, теперь он предстаёт перед читателем как яркий мастер художественного слова – Поэт с неповторимым своеобразием и безмерностью поэтического мира.

Екатеринбург
2016 г.